

«СЛОВНО ДОМА...»

(Стихотворения удмуртских поэтов, посвященные Венгрии)

Е. В. Родионова,
аспирант Университета
им. Лоранда Этвеша
(г. Будапешт, Венгрия)

Удмуртско-венгерские литературные связи берут свое начало в 1960-х гг., именно тогда установились первые творческие контакты между учеными двух республик. В 1960 г. в Будапеште прошел первый Международный конгресс финно-угроведов (Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum), который стал одним из самых важных встреч ученых в данной области. Конгресс послужил толчком для следующих форумов по финно-угроведению. Нужно отметить, что XX в. был непростой эпохой как для Удмуртии, так и для Венгрии. Вопросами финно-угорского родства занимались исключительно ученые и интеллигенция, своими статьями и первыми книгами они пытались донести до соотечественников какую-либо информацию о жизни «дальних родственников». В связи с тем что финно-угроведение зародилось как языковедческая наука, первые работы по литературоведению опирались на экспедиционные материалы ученых-языковедов (в данный период даже разграничение сфер исследований ученых вызывает трудности, поскольку языковеды в одно и то же время занимались вопросами этнографии, литературы, фольклора).

В начале прошлого века венгерские ученые при написании своих работ об удмуртской литературе прежде всего ссылались на материалы Берната Мункачи – он был самым первым, кто побывал среди удмуртов и положил начало непосредственным контактам венгерского и удмуртского народа. В результате экспедиции 1885 г. ученый создал свой

фундаментальный труд по удмуртскому фольклору “*Votják népköltészeti hagyományok*” («Традиции народно-поэтического творчества вотяков»), изданный в Будапеште в 1887 г. В данной книге собраны материалы по устному творчеству удмуртов. Особую ценность ей придает факт, что записи были сделаны еще в тот период, когда песни, сказки, легенды сопровождали удмуртов повседневно и повсеместно, были неотделимы от их быта.

В 1915 г. Бернат Мункачи нашел новый способ сбора фольклорного материала родственных народов. На сей раз ученый отправился не в российские провинции, а в город Эстергом, в 50 км от Будапешта. Именно там находился лагерь военнопленных Первой мировой войны, куда вместе с другими национальностями Российской империи попали и удмурты. Даже в условиях плена удмурты пытались что-либо сочинять, причем их сочинения отличались глубоким психологизмом. Б. Мункачи об этом пишет: «...Михаил Семенов, пленный, по происхождению из Елабужского уезда, услышав, что татары моего товарища Куноша (Игнац Кунош, коллега Мункачи, собиратель татарского материала. – Е. Р.) в лагере военнопленных свои настроения воплощают в стихи, сам сделал попытку заняться этим» [4, 76]. Так появилось на свет следующее стихотворение:

Бызьса туби гурезь йылэ

Бызьса туби гурезь йылэ,
Дунай дурын улыкум.
Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
Дунай дурын улыкум.

Ватка вылме мон ой адзы,
Эстергом городэз адзи.
Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
Эстергом городэз адзи.

Бызьса туби гурезь йылэ
 Ыуч калыкме адзыны.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Ыуч калыкме адзыны.

Ыуч калыкме мон ой адзы,
 Адзы мадьяр калыкез.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Адзы мадьяр калыкез.

Бызьса васьки гурезь улэ
 Ас эшьёсме адзыны.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Ас эшьёсме адзыны.

Ас эшьёсы чик вылымтэ,
 Мадьяр калык со вылэм,
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Мадьяр калык со вылэм [2, 196].

Взбежал я на гору*

Взбежал я на гору,
 Когда жил у Дуная.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Когда жил у Дуная.

Не увидел я своей вятской стороны,
 Увидел я город Эстергом.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Увидел я город Эстергом.

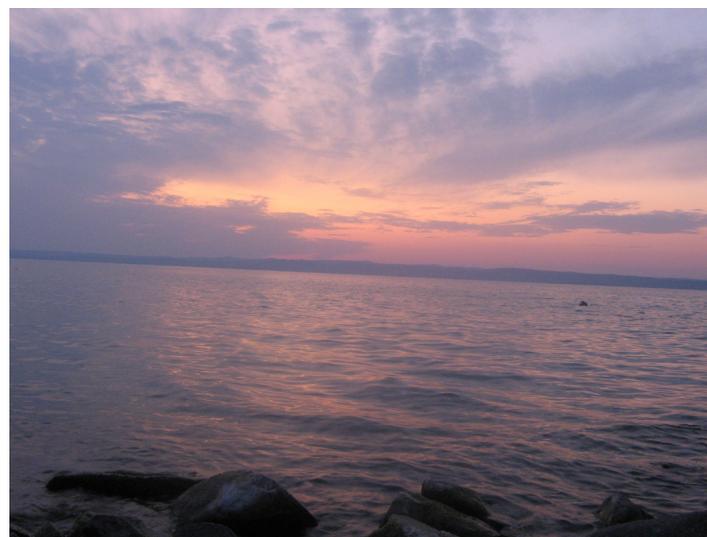
Взбежал я на гору,
 Чтобы увидеть свой русский народ,
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Чтобы увидеть свой русский народ.

Не увидел я своего русского народа,
 Увидел я мадьярский народ.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Увидел я мадьярский народ.

Бегом спустился я с горы,
 Чтобы увидеть своих друзей.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Чтобы увидеть своих друзей.

Своих друзей и вовсе не было,
 Это был мадьярский народ.
 Ай, Дунай, Дунай, Дунай,
 Это был мадьярский народ.

В приведенных строках каждый почувствует тоску заключенных по родине. Не зря самые близкие (в физическом и духовном смысле) сердцу объекты автор песни называет «своими»: «свою вятскую сторону», «свой русский народ», «удмуртских своих товарищей». Автор не выражает неприязнь к противникам (венгры в той ситуации действительно были противниками русских, а также российских народностей), скорее это лишь удивление, и прежде всего от того, что

человек, ранее никуда не выезжавший, оказался в столь далеких краях, где живет другой народ, к тому же имеющий родственные корни. Таким образом, удмуртские военнопленные, сами того не подозревая, оказались первыми удмуртами, побывавшими на мадьярской земле и ставшими авторами первых стихотворений, посвященных Венгрии.

Знакомство с творчеством венгерских писателей в Удмуртии в начале прошлого века происходило благодаря русским переводам. Первые переводы небольших венгерских произведений на удмуртский язык были опубликованы в 1930-е гг. В 1949 г., когда во всей Венгрии и за ее пределами отмечали 100-летие со дня гибели венгерского поэта Шандора Петефи, удмуртские писатели не оставили знаменательную дату без внимания. На удмуртском языке было опубликовано стихотворение «На виселицу королей!» («Akasszátok föl a királyokat»). По нашим сведениям, это – первое стихотворение Ш. Петефи, опубликованное в удмуртском переводе. В данный период вышло довольно много произведений удмуртского фольклора на венгерском языке, а также были опубликованы первые монографии о финно-угорских народах.

В 1960-х гг., как мы уже отмечали, начались более тесные отношения между финно-угорскими народами. К сожалению, до 1980-х гг. из-за «закрытости» республики у венгров было очень много сложностей с организацией поездки в Удмуртию; удмуртские ученые также не могли выезжать за рубеж. А. Уваров стал первым удмуртским поэтом, побывавшим в Венгрии в те годы. Своими впечатлениями поэт поделился в статье «Нечбур, Мадьярорсаг» («Здравствуй, Мадьярорсаг**»), вышедшей в 1961 г. [7]. В ней автор знакомит читателей с некоторыми наиболее близкими по звучанию удмуртскими и венгерскими словами, а также со стихотворением Шандора Петефи «Magyar vaguok» («Венгерец я») в переводе на удмуртский язык. Изучение любимившегося языка позволило А. Уварову впоследствии стать первым удмуртским

*Здесь и далее дословный перевод стихотворений наш. – Е. Р.

**Magyarország (Мадьярорсаг) на венгерском языке – Венгрия.

переводчиком, работающим с оригинальными венгерскими текстами. Его начинания были продолжены только в конце 1990-х гг., после открытия финно-угорского отделения в Удмуртском государственном университете. А. Уваров не только переводил, но и сам писал стихи о Венгрии. Ниже приводятся удмуртские оригиналы с русскими подстрочниками.

Балатон

Балатон ты, Балатон,
 Мылкыдме я вала тон!
 Кыче тонэ яратй,
 Сюлэмме бордад шунтй.
 Ву вылтйд капчи пыжен
 Ми уям мадьяр эшен,
 Ин тусо тулкым вылад
 Милемыз мусо веттад,
 Ыр пельтйсь омыреныд
 Йырсиез тугад ожит.
 Вож чебер ярдурьестйд
 Юмшатйд, малпаськытйд.
 Көня татын кылбурьёс,
 Паймымон выжыкыльёс
 Мон кылй эшгёсылэсь,
 Сюлэмын улоз со весь!
 Кыче шулдырьесь гурьёс
 Кырзаны мадьяр нильёс!
 Вунозы шат лыз жытьёс,
 Тыл кадь сзэь эктйсь пиос!
 Бен, соин шат Балатон
 Тынэсьтыд ой чыды мон?
 Со гинэ шат? Ты дурын
 Фашизмлы пумит ожын
 Быризы агайёсмы –
 Шудбурез утисьёсмы.
 Сяськаё солдат шайгу...
 Сюлэмын чылкыт кайгу,
 Гранитьёс бордын – дун кыл,

Кысытэк жуа юг-тыл.
 Көлэ тй, геройёсмы!
 Кыл сётэ милям ёзмы:
 Тйледыз буре ваём,
 Гажаса дандэс утём.
 Тй вадьсын кырзан-веран
 Чузьяськоз – улоз ялан [6].

Балатон

Озеро Балатон, Балатон,
 Ты пойми мои настроения!
 Насколько я тебя полюбил,
 Как согрел о тебя свое сердце.
 По твоей воде на легкой лодке
 Мы плавали с моим венгерским другом,
 На своих волнах цвета неба
 Ты ласково качал нас,
 Своим дуновением свежего воздуха
 Немного запутывал волосы.
 По зеленым красивым своим берегам
 Ты заставлял нас гулять и задумываться.
 Сколько здесь стихов,
 Удивительных сказок
 Слышал я от своих друзей,
 Все это будет жить в моем сердце!
 Какие красивые мелодии
 Пели венгерские девушки!
 Разве забудутся синие вечера,
 Как огонь смело танцующие молодые люди!
 Может, поэтому, Балатон,
 Я не мог с тобой расстаться?
 Разве только это? Около берега
 В борьбе против фашизма
 Погибли наши братья –
 Защитники счастья.
 Солдатская могила в цветах...
 В сердце – чистая скорбь,
 На граните – драгоценные слова,
 Горит вечный огонь.

Мир вам и покой, наши герои!
Наше поколение дает вам слово:
Будем помнить вас,
Будем беречь вашу славу.
Над вами песни и слова
Будут всегда звучать и жить.

Чардаш

Нёжъяло, кырҙало скрипкаос
Сюлэмлэн сиосаз йотыса.
Балатон ты дурысь сяскаос
Шып кылзо, йырһессэс лэзыса.

Нош тани бугырскиз кадь зарезь –
Гудыри зуркайтз шат инмез?
Кожалод, усыылэ жиль азвесь,
Вуюись югдытэ кадь синмез.

Оло тыл, оло төл нылһёсыз
Бергатэ шумпотон бурд йылын.
Сылозы шат сыче дырһёсы
Пияшһёс Чардашлэсь палэнын.

Шильк шуо, шальк шуо чиньыос,
Каблукһёс дыбырто крезьгурья.
Кизили кадь пишто сэзь синһёс,
Котькудйз ик кырҙа но ширья.

Бен, озы ик Чупчи выльёсын:
Жингыртйсь «Ялык» крезьгурья
Сюлэмһёс жуатско тыльёсын,
Вань калык төлпери кадь порья [6].

Чардаш

Протяжно поют скрипки,
Прикасаюсь к струнам сердца.
Цветы с берегов Балатона
Слушают безмолвно, опустив головы.

Но вот словно закружилось море –
Не гром ли потряс небо?
Словно падает сверкающее серебро,
Словно радуга засветила небо.

То ли огонь, то ли ветер крутит девушек
На крыльях радости.
Разве устоят в такое время
Мальчишки вдалеке от Чардаша.

Шильк! звенят, шальк! звенят пальцы,
Каблуки стучат под музыку.
Смелые глаза сверкают словно звезды,
Все поют и кружатся.

Вот так же на берегах Чупчи:
Под музыку звенящего «Ялык»
Сердца зажигаются огнем,
Все кружатся словно ураган.

друзей переводчика был Петер Домокош. Венгерский ученый среди всех финно-угорских литератур предпочтению отдавал удмуртской, поэтому часто имел дело со своим дальним коллегой. А. Уваров посвятил Домокошу два стихотворения с одним и тем же названием.

Мадьяр эше

«Кеньыр!» – шуид тон мыным,
Юг-юг няндэ поттыса.
Мон кутй кык кыным
Саламдэ шумпоттыса.

Вой! – Шуи, эше, тыныд,
Вой банкеме усътыса.
Кырмыштйд тон синмыныд,
Тодмо кылз кылыса.

Сиськиськом тани ёшен...
Дуноез бен мар-о вань:
«Войош кеньыр» тон сямен,
Нош удмурт сямен «войнянь».

Котьку мед луоз тазы:
Ваче ки мыном азылань.
Огкылысь но огазын
Ческытгес кошке войнянь [6].

Мадьярский друг

«Кеньыр!» – сказал ты мне,
Вытащив свой белый хлеб.
Я, обрадовавшись, хватил двумя руками
Твое угощение.

Вой! – Сказал тебе я, друг,
Открыв свою банку с маслом.
Подмигнул ты мне,
Услышав знакомое слово.

Вот едим мы вместе...
Что же дороже этого:
По-твоему «Войош кеньыр»,
А по-удмуртски – «войнянь».

Пусть будет так всегда:
Пойдем вперед рука об руку.
Если мы живем дружно и сообща,
Хлеб с маслом становится вкуснее.

Мадьяр эше

Эн вунэты удмурт эштэ,
Мадьяр юлтош!
Вуо на мон Будапештэ,
Вуо на нош.

Ачид но ветлы ми пала –
Кам шаере.
Мон возъмало тонэ ялан,
Арысь аре.

Ӗеч мылкыдыд – сюлэммыя,
Со чик уз вун.
Ведь асьмеос выжымыя –
Агай но вын.

Кусыпъёсмы туж кыдёкын,
Дуно Уром.
Нош со понна лулмы матын:
Валче улом [8, 14].

Мадьярский друг

Не забывай своего удмуртского друга,
Венгерский товарищ!
Приеду я еще в Будапешт,
Приеду снова.

Ты сам тоже приезжай к нам –
В камский край.
Я буду тебя всегда ждать,
Из года в год.

Твое дружелюбие нам по душе,
Этого мы никогда не забудем.
Ведь мы по родству –
Братья.

Между нами большие расстояния,
Дорогой Товарищ.
Но, несмотря на это, наши души близки:
Мы будем жить вместе.

Еще один удмуртский поэт Д. Яшин, посетив Венгрию, поделился своими впечатлениями в книге «Ин ворекия» («Небесное сияние», 1972). Во время поездок в другую страну не вся информация, услышанная на экскурсиях, остается в нашей памяти. Д. Яшин в своем стихотворении «Эржебет» допускает ошибку: в шестой строфе остров посреди Дуная назван Эржебетом, хотя его настоящее имя – остров Маргит. Стихотворения Яшина о Венгрии были переведены на русский язык талантливым русским поэтом О. Поскребышевым.

Эржебет

Дунне вылын нълмурт нимъёс уно.
Котькинлэн вань мусо нимыз аслаз.
Ӗуч калыклы Катюша ним дуно,
Удмуртъёслы дуно вал Италмас.

Вуид ке тон чебер Будапештэ,
Отын но ӗеч нимзэс вералозы.

Тросэз пӧлысь огзэ ке но эштэ
Одно ик Эржебет нималозы.

Автобусэ пыриз мусо нылаш.
– Мон Эржебет, – шуиз ачиз сярысь,
Туннэ мон переводчикты тйляд,
Мон верало ас городэ сярысь.
Бен, Эржебет – мусо, вылды, татын,
Сьӧрлось мурт одно ик сое кылэ.
Писатель, лётчик – трос удысьёсын
Таӗ нимын ужась пумиськылэ.

Со ним – бамез лякыт мусоясь тӧл,
Со ним сяська но пальпотон кузьма.
Со, кышномурт борды гинэ өвӧл,
Гранит борды, бетон борды юнма.

Тани син азямы музей-дворец,
Со дворецлэн, пе, Эржебет нимыз.
ШормуӇ кыклы люке Дунай шурез,
Со шормуӇлэн но Эржебет нимыз.

Мӧзмыт өвӧл вож Будаен Пештлы:
Трос выжъёсын ваче кырмиськиллям.
Чильпам выжъёс пӧлысь одйгезлы
Озы ик Эржебет ним сётйллям.

Эн юалэ,
Умой тодтэк кылзэс,
Венгеръёсын вераськеммы луиз-а?
Юрттӧз зеч валаны одйг огмес
Эржебет –
Асьме сямен нош Лиза.

Луиза яке Лиза шуыкум,
Венгер нылэз тодам мон ваиско.
Та шаере выльысь вуылыкым,
Эржебет юрттоз –
Юн оскиско [10, 27].

Эржебет

Теплом и светом задевая душу,
Живут иные имена меж нас.
Для русских песнею звучит – Катюша,
Легендой для удмуртов – Италмас.

А в Будапеште я услышал имя,
Милей которого для венгров нет.
Как дудочка с ладами золотыми,
Для сердца венгра – имя Эржебет.

Я помню –
Девушка зашла в автобус,
Вся придунайской свежести полна.
И, показать нам город приготовясь:
– Я Эржебет, – представилась она.

– Как вас зовут? –
Ткачиху мы спросили.
– Я Эржебет, – услышали в ответ.
На томике стихов, как волны, синем
Мы снова прочитали:
Эржебет.

Как ветерок меж яблонь –
 Это имя,
 Как ласка,
 Как цветы в родном краю.
 Всему, что здесь особенно любимо,
 Нередко имя женское дают.
 Над голубою глубиной Дуная
 Мосты устремлены из Буды в Пешт.
 Один из них все венгры называют
 За красоту и стройность: Эржебет.

Вот, башнями за небо задевая,
 Дворец сияет:
 Это – Эржебет.
 И остров посреди реки Дуная
 Зовется тоже –
 Остров Эржебет.

Мы с венграми сошлись в большом и в малом.
 На все вопросы дали нам ответ.
 И нам понять друг друга помогала
 Красавица венгерка
 Эржебет [9, 27].

Следующее стихотворение Д. Яшина «Чагыр Дунай но тӧды Кам» («Голубой Дунай и белая Кама») стало символом удмуртско-венгерской дружбы. Так уж повелось, что Дунай венгры называют голубым (это встречается как в фольклорных текстах, так и в поздних художественных произведениях), а

Каму удмурты прозвали белой. Д. Яшин в своем стихотворении очень удачно связал цвет Дуная с небом, а цвет Камы – с обликом седого, заснеженного Урала.

Чагыр Дунай но тӧды Кам

Уйвӧгъёсам но адзыли куддыр,
 Мон со сярысь ялан малпай-тунай.
 Малы-о тусбуйдэ шуо чагыр,
 Пӧртэм кунъёс пыртй бызись Дунай?

Трос калыкез адзид ас даурад,
 Монэ, юн оскисько, уд кары мурт:
 Ведь мон куно сямен лыктй дорад,
 Лыктй – Кам шаерын вордскем удмурт.

Вуи, учки шорад но зеч валай:
 Тыныд инбам кузьмам чагыр туссэ
 Озыы ик, кызыы лымыё Урал
 Тӧды Камлы сӧтэм ас тусбуйзэ.

Дано Чагыр Дунай но Тӧды Кам,
 Ӧд адзелэ ке но огдэс огды,
 Вадьсысьтыды пильмаськисьгэм инбам –
 Со ведь тияд сайкыт синучконды.

Калык лушкем малпа яке шара,
 Инбам тусбуй – сыче ик синучкон:
 Кыче мылкыд ворме – со зеч вера,
 Йыркур яке ог-огедлы оскон.

Мед весь азылань ширтоз улон-дӱды,
Дунне медаз луы огыр-бугыр!
Тӱды Каммы котьку медло тӱды,
Чагыр Дунай котьку медло чагыр! [10, 23]

Голубой Дунай и белая Кама

На валуны с шипеньем набегая,
Волна им холодит крутые лбы.
– Скажи, Дунай, – спросил я у Дуная,
– Ты почему зовешься голубым?

В твоих волнах гудит бывшего эхо.
Ты с недругами был суров и крут.
А я к тебе как гость и друг приехал,
Я – с дальней камской стороны удмурт.

Гляжу на синее твое плесканье
И вижу: ты свой цвет у неба взял.
Вот так же подарил и белой Каме
Свой цвет седой, заснеженный Урал.

Ты, голубой, не видел белой Камы,
Ее вода с твоею не слилась.
Но голубые небеса над вами –
Не общее ли зеркало у вас!

В нем вся земля с ее земной судьбою,
С добром и злобой в мыслях и делах.
Не зря оно – то сине-голубое,
То красное, то черное, как прах.

Хочу, чтобы мир был занят мирным делом
И солнце плавало из края в край.
Пусть вечно будет наша Кама белой,
Пусть вечно будет голубым Дунай [9, 25].

Побывавших в Венгрии гостей очень впечатляют народные танцы. Если А. Уваров полюбил венгерский чардаш, то Д. Яшин остался равнодушен к ансамблю «Дуна». Венгерская танцевальная культура повлияла на создание удмуртского танцевального ансамбля «Эктон корка» («Дом танца»), инициатором которого был А. Н. Прокопьев. Данный ансамбль теперь известен не только в Удмуртии, но и далеко за ее пределами.

«Дуна»

Дунайысь ву пож-а, дун-а?
Омыртӱм ке – адӱомы.
Кыӱе со ансамбль «Дуна»?
Учкымы ке – тодомы.

Эшьӱстӱ кызы уд чорты
Учкыны со эктӱмзӱс.
Сценаын – венгерской чардаш,
Тыл кадь зол но тӱл кадь сӱзь.

Пыдулзӱс но чик уг шӱдо –
Аргистӱс бурдӱяскемын,
Я ширто кадь, я лобӱо кадь,
Мылкыдзы, лӱся, инмын.

Учкисӱс нош одӱг мурт кадь,
Зал синмаськемын копак.
Ог-огзӱс бӱрсысь вошто ни
Я венгерка, я гопак.

Адӱытӱк сое уд дунъя,
Учкисӱс шокчо гадь тыр.
Венгриясь ансамбль «Дуна»,
Мед вӱлмоз данӱд котыр.

Дунайысь ву сокем дун-а,
Юимы но валамы.
Кыће со ансамбль «Дуна» –
Адзимы но тодймы [10, 25].

«Дуна»

Вода в Дунае мутная или чистая?
Почерпнем – увидим.
Каков он ансамбль – «Дуна»?
Посмотрим – узнаем.

Как не позовешь своих друзей
Посмотреть их танцы.
На сцене – венгерский чардаш,
Сильный как огонь и смелый как ветер.

Даже не замечают своих пяток –
Артисты окрылены,
Или мчатся, или словно летят,
Словно их настроение в небе.

Зрители все до одного
Всем залом влюблены в артистов.
Друг за другом идут
Венгерка или гопак.

Не посмотрев такое не сможешь оценить,
Зрители вздыхают на всю грудь.
Венгерский ансамбль «Дуна»,
Пусть развеется твоя слава повсюду.

Насколько чиста вода в Дунае,
Попили и поняли.
Каков он ансамбль – «Дуна»?
Посмотрели и узнали.

В 1980-е гг. Венгрию посетила удмуртская поэтесса Г. Романова. Ее впечатления от поездки вылились в стихотворения, которые были опубликованы в журнале «Молот» с подзаголовком «Мадьяр музьем вылын» («На венгерской земле»). Г. Романовой удалось побывать на озере Балатон, являющемся одним из самых больших и красивых озер Центральной Европы, с особой аурой, заставляющей поэтов творить. «Венгерскому морю» она посвятила одно из своих стихотворений.

Балатон ты

Лек зорьёсын съод пилемъёс
Ортчо, гылзо палэнэти.
Пужалляськись ву тулкымъёс
Уг пазыгисько скала дортй.
Флагъёс пишто трос буёло,
Артэ кутйськыса сыло.
Чагыр инбам – тылэн вадьсаз,
Кырзанъёсаз нош – эшъяськон.
Вож-вож садо ярдуръёсаз
Одйг гурзэс шедьто поляк,
Удмурт но зуч, мадьяр, словак... [5]

Озеро Балатон

Черные облака с грозными дождями
Проходят, скользят вдалеке.
Свертывающиеся волны
Не бьются о скалу.
Светят разноцветные флаги,
Взявшись за руки.
Над озером – голубое небо,
А в его песнях – дружба.
На его зеленых берегах
Находят общий ритм поляк,
Удмурт и русский, мадьяр, словак...

Во всем, что встречает поэтесса, ей видятся родные просторы и знакомые удмуртские образы. Например, венгерка Оги (скорее всего, речь идет об имени Ági, Ágnes) из одноименного стихотворения напоминает Г. Романовой удмуртскую девушку с лугов вдоль рек Чупчи и Вала:

Оги

Тани ми ширтйськом
 Будапештлэн паськыт урамъестйз:
 Пинё, венё, йылсо юргъёс,
 Чебер выжъёс, магазинъёс,
 Чилытэр кадъ чилияло скверъёс –
 Ваньмыз, ваньмыз – шулдыр уйвёт.
 – Тодматскомё, – шуиз мадъяр нылаш, –
 Мынам нимы Оги...
 Туж кыдёкысь – удмурт гуртысь,
 Чупчи, Вало возъёс дорысь –
 Вуиз кадъ ыркыт төл выльысь,
 Вешаз капчи бурдъёсыныз [5].

Оги

Вот мы мчимся
 По широким улицам Будапешта:
 Зубчатые, игольчатые дома с острями,
 Красивые мосты, магазины,
 Словно кружева сверкают скверы –
 Все, все – словно веселый сон.

– Давайте познакомимся, – сказала венгерская
 девушка, –

Меня зовут Оги...
 Словно из далекой удмуртской деревни,
 С лугов вдоль реки Чупчи и Вала
 Словно снова подул прохладный ветер
 И погладил своими легкими крыльями.

В стихотворении «Изкар» («Зáмок») перед нами предстает один из древних замков, рассыпанных по всей территории Венгрии. Многие из них были построены после монголо-татарского нашествия в 1241–1242 гг. прежде всего в целях защиты государства. По этой причине венгерские крепости и замки обычно расположены на вершине горы.

Изкар

Чагыр инмозь батыр жутйськыса,
 Гурезь йылын огназ изкар сылэ.
 Ортчем дыръёс сярсысь кылбураса,
 Крезь сиосаз каллен йётйськылэ.
 Бурдзэ вольям, синмаз улъе ни тыл,
 Тани лобзоз, жутскоз, ёрзи музэн.
 Но мозмемез уг лу интыысьгыз –
 Даур герзám сое из гурезен.
 Пурысьтаны кутскем пересь сямен,
 Маке малпаськыса, кузё синмын
 Чалмыт котыр учке вылийсен

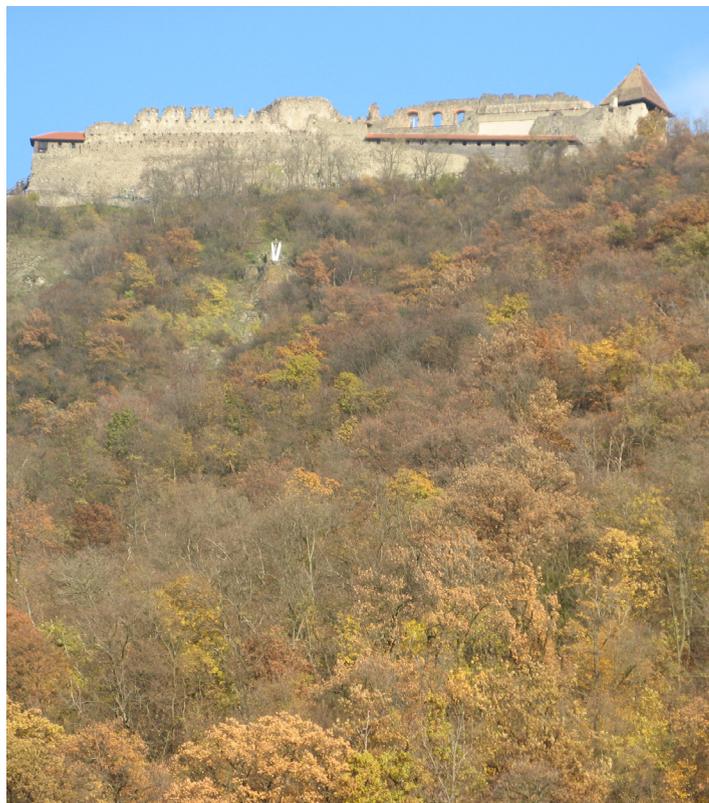

Сяськаяськись мадьяр музьем шоры.
Вормиллямтэ сое төлперис,
Өвөл погыртйллям секыт ожъёс.
Сылэ изкар, сылэ мадьяр кунын,
Вашкалазэ уг лэзэ вунэтыны [5].

Зáмок

По-богатырски поднявшись до голубого неба,
На вершине горы одиноко стоит замок.
Глася о далеких временах,
Крезь осторожно прикасается к своим струнам.
Раскрыл он свои крылья, в его глазах разжигается
огонь,

Вот-вот взлетит, поднимется, словно сокол.
Но замок не сможет освободиться –
Столетия навеки связали его с горой.
Словно покрывающийся сединой старик,
Призадумавшись, глазами хозяина
Безмолвно смотрит кругом свысока
На цветущую мадыарскую землю.
Не победили его бури,
Не погубили жестокие войны.
Стоит замок, стоит на мадыарской земле,
Не позволяя забывать о прошлом...

Стихотворение «Люкиськизы соос» («Расстались они») посвящено чувствам удмуртского паренка и венгерской девушки. При изображении венгерки Г. Романова использует знакомые фольклорные сравнения: стройная фигура сравнивается с березой, черные глаза – с ягодами смородины. Мы не знаем, имеет ли данное произведение реальные корни. Может быть, поездки автора к древним замкам и крепостям подсказали тему для романтической истории.

Люкиськизы соос

Дунай шурлэн меҗ ярдураз
Пумиськизы соос.
Крезь гур улзиз паськыт браз,
Жингыр вазиз улос.
Кык сюлэмъёс ву тулкымен
Ваче шукиськизы.
Удмурт пияш мадьяр нылэн
Татын вераськизы.
– Сильва, Сильва, шөдйськод-а
Гажась юн мылкыдме?
Вордскем палам куке вуод-а?
Я усъты, усъты ас малпандэ!
Төды кызыпу вожъяськысал, дыр,
Весьрес мугорыдлы.
Кисьмам сутэр бездыт луысал, дыр,
Сьöd синьёсыд улсын...
Номыр öз вера мадьяр ныл.
Секыт лулскиз, синйылтыса
Вордскем шаерезлэсь туссэ:
Лысву сямен, турын пöлы
Синкылиос былъыразы.
Дунай шурлэн меҗ ярдураз
Соос люкиськизы [5].

Расстались они

На крутом берегу Дуная
Встретились они.
Над широким течением оживилась мелодия крезя,
Звенела вся округа.
Два сердца речной волной
Столкнулись друг о друга.
Удмуртский паренек с мадыарской девушкой
Беседовали здесь.
– Сильва, Сильва, чувствуешь ли
Мое почитание?
Приедешь ли ты когда-нибудь в мои родные места?
Открой же свои мысли!
Белая береза позавидовала бы
Твоей стройной фигуре.
Спелая смородина поблекла бы
От взгляда твоих черных глаз...
Ничего не ответила венгерка.
Глубоко вздохнула, посмотрев
На облик своей родной земли:
Словно роса на траву
Упали слезы.
На крутом берегу Дуная
Они расстались.

Итоговым произведением из цикла «На венгерской земле» является стихотворение «Чылкак дорамы кадь...» («Словно как дома...»). Несмотря на различия культур, ландшафта, антропологических данных удмуртов и венгров, Г. Романова чувствует себя в Венгрии как дома. Однако сердце зовет поэтессу в родные края.

Чылкак драмы кадь...

Ой, кы́че чебер ма́дьяр музье́м!
 Кы́че пуштресэ́сь таты́н садьё́с...
 Возьё́сыз но асьме́лэ́н вылле́м,
 Нош будо ме́да отын италма́сьёс?
 Ой, кы́че чебер ма́дьяр музье́м!
 Кы́че паськы́гтэ́сь шу́р о́рьёсыз...
 Учкы-а́й, Дуна́й то́дь Ка́м ту́сьем...
 Нош кы́че ме́да дун вуэ́злэ́н шо́мыз?
 Ой, кы́че чебер ма́дьяр музье́м!
 Кы́че мы́лды́то таты́н калы́к,
 Чылкак асьме́лэ́н кадь и́к вы́лэм.
 Нош сю́лэм о́те до́ре... Ма́лы? [5]

Словно как дома...

Ой, как краси́ва ма́дьярская зе́мля!
 Ка́кие пы́шные здесь са́ды...
 И лу́га сло́вно на́ши,
 Но расту́т ли на них италма́сы?
 Ой, как краси́ва ма́дьярская зе́мля!
 Ка́кие широ́кие ру́сла ре́к...
 Посмотри́-ка, Дуна́й сло́вно бе́лая Ка́ма...
 Интере́сно, а ка́кой вку́с у его́ чи́стой во́ды?
 Ой, как краси́ва ма́дьярская зе́мля!
 Ка́кие дру́желю́бные здесь лю́ди,
 Сло́вно у на́с.
 Но се́рдце зо́вет до́мой... По́чему же?

Среди более поздних произведений следует упомянуть стихотворение «Балатон» В. Владыкина, которое посвящено памятным местам Венгрии и самим венграм – так, как их видит удмуртский поэт и этнограф. Стихотворение написано на русском языке.

Море Балатон

Есть удивительное море Балатон,
 Где венгры навсегда утопили
 свою грусть и тоску,
 А теперь просто загорают
 и иногда купаются.
 Есть удивительная гора Гелерт,
 Где венгры навечно возвысили
 свою гордость и силу,
 А теперь там просто бродят туристы,
 и все любят и иногда интересуются.
 Есть удивительный город Будапешт,
 Где венгры надолго поселили
 свое счастье и красоту,
 А теперь просто живут, а иногда,
 ожидая автобус, ругаются.
 И все это – удивительная страна Венгрия,
 Где живут удивительные венгры,
 Которые танцуют чардаш,
 Пьют токай и закусывают
 такой паприкой,
 Что можешь пешком
 перейти Дунай,
 Который когда-то, говорят, был голубым.
 И еще, может быть, будет таким.
 Венгры,
 Мир и счастье вам!
 Как и всем нам! [3]

В стихотворении без названия молодого поэта Арзами Очяя (А. Арзамазова) перед нами – осенняя будапештская картина. Арзами Очяй окончил финно-угорское отделение Удмуртского государственного университета и неплохо владеет венгерским. Во время стажировки в Будапеште ему удалось поближе познакомиться с городом, венграми и с венгерской литературой. Как и в случае с другими поэтами, поездка в Венгрию отразилась на дальнейшем творчестве Арзами Очяя.

Губрес выжвыл. Зоре.
 Омыр туннэысен
 Сйзыломоз жоггес.
 Улвайёссы
 Дунай ярдурьёсысь
 Писпуослэн
 Котмо но чидало на –
 Вань дырзы.
 Сабадшагхид вылтй
 Ортчиз пурысь трамвай – акшан.
 Мон вамышто събраз.

Тамак но вӧсь юртто
Шӧдылыны асме.
Губрес выжвыл. Мадьяр сйзбыл –
Сйзбыл гинэ... [1]

Сутулый мост. Идет дождь.
Воздух с сегодняшнего дня
Быстрее покроется осенью.
Ветки
С берегов Дуная
Деревьев
Мокнут и терпят –
У них есть время.
По Сабадшагиду
Прошел серый трамвай – сумерки.

Я пойду за ним.
Сигареты и боль
Помогают мне ощущать себя.
Сутулый мост. Мадьярская осень –
Только осень...

В заключение нужно отметить, что, если первая встреча удмуртов с венгерской землей была неожиданной и печальной, следующие уже проходили в период укрепления связей между двумя родственными народами. Во второй половине прошлого века поездки удмуртских поэтов и писателей в Венгрию носили в основном туристический характер. С середины 1990-х гг., после открытия в 1995 г. финно-угорского отделения Удмуртского государственного университета, начинается новый этап удмуртско-венгерских творческих связей. Теперь не только преподаватели, но и студенты имеют возможность стажироваться в венгерских университетах. Это укрепляет связи и дает больше возможностей для совместной работы. Как в Венгрии, так и в Удмуртии издаются книги с переводами родственных литератур, благодаря свободному владению венгерских коллег удмуртским языком и наоборот, в последние годы переводы делаются исключительно с текстов-оригиналов. Надеемся, что тесные контакты и в дальнейшем натолкнут удмуртских поэтов на написание новых стихов о Венгрии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*финно-угорское языковое родство;
удмуртско-венгерские литературные связи*

Finno-Ugric linguistic affinity; Udmurt-Hungarian literary relations

KEYWORDS

Поступила 30.04.2010

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арзамы Очей*. Быдэс: Кылбурьёс / Арзамы Очей. – Ижкар, 2009. – 176 б.
2. *Жингырты, удмурт кырӧан! Нотаосын кырӧан книга* / Дасяз П. К. Поздеев. – 2-тӧ изд. – Устинов : Удмуртия, 1987. – 374 б.
3. *Омель Лади* (Владимир Владыкин). Море Балатон // Инвожо. – 2008. – № 5/6. – С. 129.
4. *Подарок Мункачи*. Песни и сказания / сост. и авт. предисл. А. Н. Уваров. – Ижевск : Удмуртия, 1983. – 192 с.
5. *Романова, Г. В.* Мадьяр музъем вылын // Молот. – 1980. – № 3. – 23-тӧ б.
6. *Уваров, А. Н.* Венгерской тетрадысь // Советской Удмуртия. – 1968. – 29 дек.
7. *Уваров, А. Н.* Нечбур, Мадьярорсаг! // Молот. – 1961. – № 8. – 61–64-тӧ б.
8. *Уваров, А. Н.* Эхма лирика, юмор, сатира / А. Н. Уваров. – Ижевск : РИО Госкомиздата УАССР, 1991. – 80 б.
9. *Яшин, Д. А.* Весеннее разноцветье / Д. А. Яшин. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 88 б.
10. *Яшин, Д. А.* Ин ворекъян / Д. А. Яшин. – Ижевск : Удмуртия, 1972. – 96 б.

